

Глава 111. Слушай меня

—

— Динь-динь-динь...

Раздался знакомый звонок, возвещающий об окончании рабочего дня.

В одной из переговорных завода сельхозтехники люди начали собираться, попутно перекидываясь парой слов.

— Я вдруг понял, что такое «просветление». Вот именно это я сейчас и чувствую, — преувеличенно восторженно произнес Лин Чжи.

Коллеги без тени смущения поддакивали:

— Да уж, те вещи, над которыми я раньше ломал голову, внезапно стали предельно ясными.

— Оказывается, в такой технической работе тоже можно применять метод аналогии!

— Кажется, теперь я смогу гораздо быстрее определять неисправности в механизмах и проводить точный, оперативный ремонт.

Фан Цзе вздохнул:

— Сегодня утром слышал от начальника отдела, что проект нового двигателя, разработанный товарищем Сьюанем, прошел несколько раундов совещаний в городском машинном заводе. Его уже предварительно утвердили, сейчас идет обычная проверка и подготовка к запуску. Скорее всего, совсем скоро он покинет наш завод и уедет в город.

В глазах присутствующих промелькнул блеск — в нем смешались зависть и грусть от скорого расставания, но не было ни капли злобы. За время общения они глубоко осознали способности Гу Сьюаня и понимали, что им за ним не угнаться, так что тратить время на ревность было просто бессмысленно.

— Эх, если так, то кто же будет спасать меня, безнадежного бездаря? — сокрушенно возопил Лин Чжи, скорчив плаксивую мину.

— Ха-ха-ха! — Все дружно расхохотались над его шутливым тоном.

Сам же виновник обсуждения, товарищ Гу Сьюань, придерживаясь принципа «ни секунды лишней после звонка и ни минуты переработки», с завидной скоростью покинул территорию завода.

От завода до общежития, где он теперь жил, было около двух километров. Шагом Сьюаня этот путь занимал от силы минут пятнадцать.

Стоял август. Солнце нещадно палило, а в густой листве деревьев надрывно стрекотали цикады.

В просторном дворе общежития под сенью деревьев сидело немало стариков и старушек, спасавшихся от зноя за неспешными беседами. А на соседней пустой площадке стайка детей, казалось, совершенно не замечая жары, с криками и смехом носилась друг за другом.

— Сяо Гу, со службы? — завидев фигуру в воротах, соседи приветливо закивали.

Гу Сьюань вежливо кивнул в ответ:

— Угу.

Прошло уже больше месяца с тех пор, как они с Се Ияном переехали в это городское общежитие. Гу Сьюань всегда отличался высокой адаптивностью, а Се Ияну и вовсе по душе пришлась городская суэта. Жизнь за закрытыми дверями их маленького гнездышка была куда приятнее и спокойнее, чем в деревне.

С тех пор как в первый же день они отпугнули семью Се разговорами о деньгах, те больше не осмеливались их беспокоить. Если же случалось случайно столкнуться на улице, Се Иян тут же принимал жалобный вид и с нерешительностью во взгляде собирался было заговорить о деньгах. Стоило ему только открыть рот, как члены семьи Се, не дожидаясь продолжения, пулей отлетали от них на три чжана. После каждой такой встречи Се Иян еще долго хохотал, согнувшись пополам.

В остальном же их дни текли размеренно: Гу Сьюань днем пропадал на работе, а Се Иян прилежно занимался дома с книгами — тепло и сладко.

За это время из полиции пришли новости касательно Гу Лили и Фэн Кэна.

Оба были признаны непосредственными участниками двух дел: о хулиганстве и о краже. Однако, поскольку серьезных последствий удалось избежать, приговор был не самым суровым по тем временам. Хоть законы и были строгими, расстреливать в такой ситуации не стали, а в соответствии с обычаями эпохи отправили обоих на «трудовое перевоспитание» на ферму.

Узнав об этом решении, и Гу Сьюань, и Се Иян не смогли сдержать улыбок.

Ферма — это место, куда отправляли людей, совершивших серьезные ошибки. Тяжесть и изнурительность тамошнего труда трудно было даже вообразить. Гу Лили с детства рос под крылышком родителей, он не то что в поле никогда не работал — он и по дому-то палец о палец не ударял. Фэн Кэн и вовсе был из обеспеченной семьи; даже приехав в деревню Юньси как «образованная молодежь», он устроился на легкую работу водителем трактора.

Теперь же отправить этих двоих, привыкших к легкости и комфорту, на каторжные работы — это наказание было едва ли не горше смерти.

Погруженный в мысли, Гу Сьюань поднялся наверх. Когда он открыл дверь, сидевший за письменным столом Се Иян вскинул голову и воскликнул:

— Муж, ты уже вернулся! Я так зачитался, что совсем время потерял...

С этими словами он решительно отбросил ручку и бросился к мужу.

— Тебе не жарко? — сухо проворчал Гу Сьюань, хотя руки его честно и крепко обняли супруга.

Се Иян, прижавшись к его груди, пробормотал:

— Не жарко. У меня сейчас на сердце холодно, как в колодце.

Гу Сьюань довел его до дивана и, усадив, спросил:

— Что случилось?

Се Иян надул губы и нехотя признался:

— Хм... кажется, школьная программа за старшие классы довольно сложная. В том блокноте, который ты притащил пару дней назад, есть несколько задач по математике, которые я никак не могу решить. Вот сейчас сидел над ними и даже забыл спуститься тебя встретить...

— Очень сложно? — Гу Сьюань вскинул брови в легком недоумении.

Разве это не обычные задачки? Он просто набросал по памяти несколько стандартных примеров на базовые формулы. Достаточно было просто подставить значения.

Се Иян прищурил свои красивые глаза и уставился на него:

— Товарищ Гу Сьюань, это ты на что намекаешь?

Сьюань благоразумно покачал головой:

— Ни на что. Се-лаоши такой умный, стоит еще немного посмотреть — и всё станет ясно. А потом ты придешь и научишь меня. Если уж Се-лаоши так трудно, то мне разобраться будет в разы сложнее.

— Хм... — Се Иян улыбнулся, продемонстрировав ряд ровных белых зубов. — Так-то лучше.

«Маленький дурачок!»

Уголки губ Гу Сьюаня тронула едва заметная улыбка. Под этим мимолетным взглядом Се Иян невольно покраснел от смущения.

Тут уж ничего не поделаешь... На самом деле интеллект его мужа не шел ни в какое сравнение с его собственным. Каждый вечер, когда Иян якобы «объяснял» ему задачи, на деле Сьюаню стоило лишь раз взглянуть на нужную формулу, как он тут же всё понимал, а иногда даже невзначай давал Ияну ценные подсказки.

За месяц с лишним жизни в городе Се Иян стал выглядеть еще лучше: кожа побелела, губы адели, зубы жемчугом сверкали. Сейчас, когда его щеки тронул нежно-розовый румянец, он стал похож на клубничный моти.

Видимо, вернувшись с работы, Гу Сьюань еще не успел попить, потому что сейчас он почувствовал сильную жажду.

Он всегда был человеком дела: стоит только возникнуть мысли, как он тут же претворял её в жизнь. Слегка усилив хватку, он притянул жену к себе и, склонившись, нежно поцеловал его в розовую щеку, а затем медленно переместился к его алым губам.

— Се-лаоши, какой чудесный вкус, — проговорил он своим обычно низким магнетическим голосом, чуть невнятно, что делало его еще более опасным и пленительным.

— Хм-м... — тихо выдохнул Се Иян.

Как же это раздражает! Каждый раз в такие моменты он нарочно называет его «учителем».

Белоснежные пальцы ног, упирающиеся в диван, озорно подогнулись, а тонкие руки еще

крепче обвили шею стоящего перед ним мужчины.

Бог знает сколько времени спустя их губы наконец разомкнулись. Се Иян прислонился к Гу Сьюаню, приоткрыв рот и тяжело дыша. Тот поднял руку, коснулся его влажного от пота лба и спокойно заметил:

— Се-лаоши, столько времени прошло, а вы так и не научились правильно дышать во время поцелуя?

Се Иян вскинул голову и сердито уставился на него:

— Не смей больше называть меня учителем!

Гу Сьюань кивнул:

— Хорошо, господин Се. Почтенный наставник Се.

— ... — Се Иян.

Неужели его муж никогда не научится хоть немного ему уступать!

Глядя на надувшегося супруга, Сьюань внутренне усмехнулся и ущипнул его за мягкую щеку:

— Задачи порешаем позже, обращения обсудим тоже потом. Сначала пойдем готовить ужин!

— Ладно!

Глаза Се Ияна мгновенно засияли, внимание тут же переключилось. Он вскочил, схватил мужа за руку и вприпрыжку потащил его в коридор, на ходу самодовольно хвастаясь:

— Когда я утром ходил в кооператив, всё жирное мясо уже расхватали, но мне удалось урвать пару свиных копыт!

Гу Сьюань кивнул и мимоходом предложил:

— Свиные копыта? Тогда давай их потушим в соевом соусе. Только это займет прилично времени.

Глаза Ияна заблестели еще ярче, он сглотнул слюну:

— Ага-ага, ничего страшного! Тушеные — это хорошо, очень хорошо. Так они лучше всего пропитываются вкусом.

Угольную печь Иян разжег еще утром и не давал ей погаснуть — на ней как раз грелся чайник с водой. Гу Сьюань снял чайник и принялся опаливать свиные копыта прямо над огнем, поворачивая их из стороны в сторону, чтобы полностью выжечь щетину.

Се Иян, любопытный как ребенок, принял из рук мужа два почерневших копыта, бросил их в воду отмокать и с энтузиазмом принялся соскребать ножом черную гарь. Когда шкурка была очищена, Гу Сьюань разрубил копыта на небольшие кусочки, закинул в кастрюлю бланшироваться, а сам пошел подготавливать специи для тушения.

Се Иян же сидел на корточках перед печью, не сводя глаз с кастрюли. Как только на поверхности воды в достатке появилась кровавая пена, он тут же её снял, выловил мясо и

хорошенько его промыл.

В те времена сахар был слишком ценным продуктом, поэтому обычные люди не заморачивались с карамелизацией. Гу Сьюань плеснул в котел немного масла и сразу бросил туда свиные копыта. Когда шкурка слегка подрумянилась и стала золотистой, он добавил имбирь, бадьян и лавровый лист, а затем влил немного рисового вина и соевого соуса. В тот же миг по округе поплыл густой аппетитный аромат.

Се Иян зачерпнул ковш воды и подал мужу, а сам, подобно маленькому щенку, остался сидеть у печки, всю шмыгая носом. Гу Сьюань вылил воду в котел, добавил немного соли и помешал всё лопаткой.

Иян поднял на него взгляд:

— Муж, как пахнет!

Гу Сьюань накрыл котел крышкой, а затем обернулся, подхватил этого непутевого парня и небрежно спросил:

— Кто пахнет?

— ... — Се Иян.

Что не так с этим вопросом?

Се Иян прищурился, придвинулся к Гу Сьюаню и изо всех сил втянул носом воздух, обнюхивая его. Затем он с торжествующим видом посмотрел на мужа:

— Хе-хе, товарищ Гу Сьюань, ты сейчас весь пропах свиными копытами. Так что пахнешь ты точно так же, как они. Вы оба одинаково ароматные, оба — мои большие сокровища...

— ... — Гу Сьюань.

Хм, а этот малец соображает быстро.

Он внезапно перекинул свою маленькую жену через плечо и направился в сторону ванной:

— Пусть копыта пока томятся. Сначала я должен проучить отца этих самых копыт.

Се Иян слегка опешил:

— Чьего отца? Большого борова? Старого хряка?

Гу Сьюань спокойно ответил:

— Разумеется, одного глупого, не знающего меры живого поросенка.

— ... — Се Иян.

Это точно не про него, ведь он такой умный.

Когда дверь ванной снова открылась, Се Иян превратился в бесформенную лужицу. И вовсе не от усталости, а от стыда. Его муж — по-настоящему жестокий человек. Как можно было из обычного совместного принятия душа устроить столько всяких... «фокусов».

Он сердито уставился на Сьюаня:

— Товарищ Гу Сьюань, впредь нельзя так обращаться со своим учителем! Это же форменное «убийство наставника», понимаешь или нет?

Гу Сьюань холодно усмехнулся:

— О, учитель? Разве Се-лаоши только что не говорил, что мне запрещено так его называть?

— ... — Се Иян ничуть не смутился, лишь слегка кашлянул и уверенно заявил: — Всё зависит от обстоятельств! Нужно смотреть по ситуации. В любом случае, Гу Сьюань, в будущем ты не должен так меня обижать.

Гу Сьюаню было лень спорить с этим несносным сокровищем. Он усадил его на диван, а сам вышел, чтобы принести рис и уже успевшие стать нежными и мягкими свиные копыта.

Се Иян тут же выпрямился, в мгновение ока вернув себе бодрость и силу разъяренного дракона.

Свиные копыта были разварены до совершенства: они буквально таяли во рту, но при этом не разваливались, а специфический аромат мясного сока мгновенно расцвёл на языке.

Се Иян уплетал за обе щеки, так что жир капал с губ:

— Муж, твоя кулинария — это просто нечто! Я люблю тебя очень-очень сильно!

— Тц... — Гу Сьюань ответил с деланным пренебрежением.

Уж слишком искренней и непосредственной была реакция этого человечка.

...

После ужина солнце уже окончательно зашло, и дневной зной постепенно рассеялся. В ночном небе зажглись яркие звезды. Рабочее общежитие находилось недалеко от реки Циншуйхэ, и вечерний ветерок приносил с собой влажную прохладу.

Плотно поужинав, Се Иян вымыл посуду и подбил Гу Сьюаня выйти на берег реки прогуляться, чтобы «растряссти» съеденное.

Когда они спускались, во дворе всё еще сидело много людей. Завидев их, соседи приветливо окликали:

— Сяо Се, Сяо Гу, гулять собрались?

— Ага, бабушка Чжоу, добрый вечер...

— О, дедушка Ван, всё еще в шахматы играете?..

У Се Ияна включился режим «бога общения» — всю дорогу до ворот его рот не закрывался ни на секунду. Только когда они вышли к реке, где стало больше незнакомых людей, он немного поутих.

Река Циншуйхэ огибала горы, её русло было чистым, а изгибы — длинными и изящными. Со стороны города вдоль берега тянулись широкие луга, перемежающиеся зарослями ив, тополей

и других деревьев. Это было идеальное место как для семейных прогулок, так и для тайных свиданий влюбленных парочек.

Гу Сьюань и Се Иян, держась за руки, бесцельно бродили вдоль берега. В небе мерцали звезды, с реки дул легкий бриз, а издали доносились звуки смеха и игр — от этой картины на душе становилось чисто и спокойно.

Заметив нескольких детишек, которые притаились у камышей и пристально следили за лягушками, Се Иян весело сказал:

— В детстве я тоже часто играл здесь на берегу.

Гу Сьюань слегка сжал в своей ладони его мягкие пальцы и сухо спросил:

— Также копал червей и ловил лягушек?

— Хе-хе... Поймал всего один раз. Лягушки такие милые, а я такой добрый, разве я стал бы их ловить просто так? — пафосно заявил Иян.

Гу Сьюань посмотрел на него и совершенно неискренне произнес:

— Се-лаоши — образец для подражания, воплощение доброты и милосердия.

Иян сердито уставился на него. А затем, вспомнив что-то из прошлого, возмущенно добавил:

— Тот единственный раз, когда я ловил лягушек, был по делу! Когда я был маленьким, во дворе было несколько несносных мальчишек. Они вечно заставляли меня играть с ними, а когда я отказывался, специально ловили лягушек и кидали в меня, чтобы напугать.

Сьюань прищурился и тихо спросил:

— И ты поймал одну и кинул обратно?

Се Иян сначала кивнул, потом покачал головой и хихикнул:

— Одной было мало! Я в тот вечер ловил их полчаса и набрал штук двадцать. А на следующее утро пришел в школу пораньше и, пока тот мальчишка не зашел в класс, запихал их все ему в парту. И вот, когда он пришел и открыл крышку, целая толпа лягушек прыгнула ему прямо в лицо... Это было так смешно! Ха-ха...

Глядя на его искренний, залихватский смех, Гу Сьюань тоже кивнул в знак одобрения:

— Действительно, неплохо сработано. Око за око, справедливость восторжествовала.

Се Иян взглянул на него и, обхватив его руку, принялся подлизываться:

— Муж, ты такой хороший.

Гу Сьюань давно привык к этим периодическим «сахарным бомбам» и ответил совершенно бесстрастно:

— Что еще?

Се Иян тоже привык к холодному лицу супруга. Он пробормотал:

— Муж, ты всегда меня поддерживаешь и никогда не заставляешь размышлять о своих поступках. А вот раньше в семье Се, даже если виноват был не я, приемные родители всегда говорили: «Почему эти мальчики не пристают к другим, а пристают именно к тебе? Наверняка ты сам что-то сделал не так...»

Услышав это, Гу Сьюань на мгновение замер. Сердце его слегка смягчилось. Он потянулся и ущипнул Ияна за щеку, холодно произнеся:

— Можешь вообще не обращать внимания на подобные речи. У тех, кто причиняет вред, найдутся тысячи оправданий, но жертва вовсе не обязана быть безупречной.

— Угу, я знаю, — Се Иян уставился на него своими влажными глазами и тяжело кивнул.

Видя покорный вид своей женошкИ, Гу Сьюань прищурился и решил добавить еще пару фраз, на этот раз властным тоном:

— Впредь, если у тебя уже есть свое мнение о том, что правильно, а что нет — слушай только свое сердце. А если его нет... тогда просто слушай меня.

Се Иян обеими руками обхватил его руку и прижался головой к плечу. Он отчетливо чувствовал вибрацию в груди мужа, когда тот говорил, и напряжение его мышц. Последняя фраза прозвучала особенно низко и притягательно, в ней сквозила решительная сексуальность зрелого мужчины, которую невозможно описать словами.

В этот миг Се Иян почувствовал, будто он почти парит в облаках от восторга. И тут же отчетливо услышал собственный ответ:

— Хорошо!

Когда сердца двоих бьются в унисон, настроение становится еще более легким и радостным. Они еще какое-то время шли вдоль реки, держась за руки. На одном из поворотов берег выдавался вглубь реки, и там, под несколькими ивами у самой воды, открывался чудесный вид. Се Иян с энтузиазмом потащил туда Гу Сьюаня.

Возле деревьев уже стояло несколько пар — видимо, такие же влюбленные, пришедшие на свидание. Гу Сьюань прищурился, глядя на водную гладь. Звезды отражались в реке, и в ночной тишине поверхность воды казалась таинственно мерцающей.

В этот момент неподалеку внезапно поднялся шум. Гу Сьюань обернулся: в нескольких шагах от них собралась группа людей, похоже, возник какой-то конфликт. Пальцы в его ладони слегка дернулись.

Гу Сьюань посмотрел на Се Ияна:

— Что такое?

Се Иян надул щеки и, слегка указав подбородком в сторону происшествия, тихо прошептал:

— Кажется, я только что увидел одного грязного подонка. Давай пойдем поможем, станем свидетелями.

— Угу, — кивнул Гу Сьюань.

Раз уж его «женошка» решила поиграть в инспектора Чёрного Кота, у него не было причин

отказывать.

Когда они подошли ближе, выяснилось, что спорят две группы людей. В центре конфликта была девушка в клетчатом длинном платье и молодой человек в белой рубашке с коротким рукавом и темно-зеленых прямых брюках.

— Ах ты, грязный извращенец, ты посмел меня лапать!..

— Дамочка, может, здесь какое-то недоразумение?

— Какое еще недоразумение? Хватит тут прикидываться!

— Успокойтесь, не будьте такой чувствительной, вы зря обвиняете честного человека...

Издав Се Иян видел лишь общие движения, но теперь, разглядев лицо молодого человека, он вдруг принял странное выражение — то ли хотел рассмеяться, то ли разозлиться.

Гу Сьюань раньше этого типа не видел, но, заметив стоящего рядом Се Цзиньюя, сразу догадался:

— Это твой тот самый «бывший жених»?

Се Иян кивнул и холодно хмыкнул:

— Горбатого могила исправит. Чэнь Цзэсинь с детства был таким подонком. Даже сейчас, когда он вот-вот женится на Се Цзиньюе, его натура никуда не делась.

Тем временем сцена становилась всё более напряженной.

— Ты обязан извиниться! Из какой ты организации? Я пойду и доложу твоему начальству о том, что ты творишь! — Девушка, судя по всему, была с характером и не на шутку разозлилась.

— Дамочка, вы действительно ошибаетесь. Я просто проходил мимо вас, посмотрите, сколько здесь ивовых ветвей свисает — может, это они вас задели? К тому же, рядом стоит мой жених, разве я мог бы сделать что-то подобное?

Чэнь Цзэсинь выглядел довольно интеллигентно и был прилично одет. После этих слов многие из окруживших их людей начали понимающе кивать.

Но девушка продолжала сверлить его взглядом:

— Вы меня за дуру держите? Я стою у реки уже порядочно и знаю, как касаются ивовые ветви. Неужели я не отличу ветку от человеческой руки? Ветка что, теплая? Или у неё есть сила, чтобы ущипнуть человека?!

Однако эти слова почему-то вызвали лишь смешки у нескольких стоявших рядом мужчин. Чэнь Цзэсинь прищурился и тут же повысил голос:

— Дамочка, послушайте, что вы несете. Мы коснулись друг друга буквально на мгновение, когда я проходил мимо. Откуда у вас столько «детальных ощущений» про тепло, щипки и прочее? Не слишком ли вы чувствительны... или просто слишком много себе воображаете?

Стоящий рядом Се Цзиньюй тоже пришел в себя и тут же начал вопить на девушку:

— Вот именно! Ты что, возомнила себя первой красавицей? С такой-то рожей — и заявляешь, что мой жених тебя лапал? Да сдалась ты ему! Небось сама помешана на мужчинах?!

Злоба в словах этой парочки была практически неприкрытой. Следом за ними и в толпе смешки стали громче, слышались перешептывания. Молодая девушка мгновенно залилась краской, в её глазах блеснули слезы. Она упрямо вскинула подбородок и, стиснув зубы, процедила:

— Что за чушь вы несете! Вам это еще аукнется! Я иду в полицию заявлять на вас...

Чэнь Цзэсинь усмехнулся:

— Иди-иди, я и сам не прочь. Мне бы очень хотелось посмотреть на твои «улики», чтобы наконец очистить свое доброе имя.

Се Цзиньюй тоже закивал:

— Правильно! Нечего наговаривать на людей!

Девушка изменилась в лице. Улик у неё действительно не было. Однако она повернулась к стоящим рядом свидетелям и тихо спросила:

— Товарищи, кто-нибудь из вас видел? Только что этот человек...

Толпа тут же попятилась. Кто-то действительно ничего не видел, а кто-то... кто-то прекрасно знал, кто такой Чэнь Цзэсинь. Это же сын того самого комиссара Чэня из Революционного комитета. Революционный комитет — место опасное, кто рискнет переходить им дорогу? Даже полиция в наши дни должно в какой-то степени учитывать мнение Революционного комитета, что уж говорить о простых людях. И хотя «хулиганство» сейчас — тяжкое преступление, но в конце концов это всего лишь один щипок. Даже если Чэнь Цзэсиня заберут в участок, его не расстреляют, в худшем случае — пожурят пару дней для вида. А вот к свидетелям потом могут нагрять «красные повязки» из инспекции Революционного комитета.

— Не видел, ничего не видел.

— Может, ошиблась? Темно же кругом...

— Ой, девочка молодая, не понимает, что говорит...

Слушая этот гул голосов, девушка побледнела так, что в лунном свете казалась почти прозрачной. Она смотрела на реку, и ей казалось, что её сердце камнем падает на дно.

И в этот момент раздался чистый, звонкий голос:

— Я видел.

Девушка резко вскинула голову. Се Иян встретился с ней взглядом и на мгновение почувствовал, как надежда, вспыхнувшая в её глазах, едва не придавила его своим грузом. Но он, конечно, не дрогнул.

Он крепче сжал большую ладонь мужа, сделал несколько шагов вперед и четко произнес:

— Я видел. Я видел, как этот господин, проходя мимо вас, намеренно ущипнул вас за ягодицу.

Девушка широко открыла глаза, дыхание её перехватило:

— Вы...

Се Иян кивнул:

— Если нужно, я готов пойти с вами в полицию. Борьба с хулиганами — долг каждого гражданина.

Девушка закивала так часто, что едва не расплакалась:

— Спасибо вам! Огромное спасибо!

Тем временем Се Цзиньюй и Чэнь Цзэсинь, ошеломленные внезапным поворотом, наконец пришли в себя. Но стоило им разглядеть лицо Се Ияна, как на смену шоку пришла безграничная ярость.

Се Цзиньюй в гневе ткнул в него пальцем:

— Се Иян! Пусть у нас нет кровного родства, пусть у тебя на меня зуб, но как ты смеешь вот так нагло клеветать и подставлять нас?!

Чэнь Цзэсинь тоже прищурился:

— Се Иян, ты делаешь это потому, что злишься на то, что я теперь с Цзиньюем?

— ... — Се Иян.

«Что за пара самовлюбленных идиотов». Ему было лень им отвечать.

Но Чэнь Цзэсинь не унимался, сверля его взглядом:

— Се Иян, только ты один говоришь, что видел. У тебя с нами личные счеты, ты думаешь, твои показания хоть чего-то стоят? Товарищи полицейские их даже не примут!

Се Цзиньюй тут же расплылся в злорадной улыбке:

— Точно! И не надейся нам навредить!

Се Иян нахмурился и стиснул зубы. Девушка тоже притихла — что же делать?

Гу Сыюань окинул компанию спокойным взглядом и негромко произнес:

— Не стоит беспокоиться. Просто идите и пишите заявление. Пусть свидетель пока один, но как только дело будет открыто, товарищи полицейские приступят к расследованию.

Он обвел взглядом толпу:

— Здесь столько людей. Сколько из них видели? Сколько решили промолчать? Когда полиция начнет опрашивать каждого по отдельности, неужели под сиянием государственного закона эти люди продолжат молчать? Осмелятся ли они давать ложные показания перед лицом закона? Захотят ли они так упорно испытывать судьбу, идя против правосудия?

—

<http://bllate.org/book/14483/1281649>